

Story

ИХ ГЛАЗА ВИДЕЛИ БОГА



РОМАН О ЛЮБВИ И НАДЕЖДЕ

ДЛЯ ПОКЛОННИКОВ БЕСТСЕЛЛЕРА
«ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ ПЧЕЛ»



Best Book Awards. 100 книг, которые вошли в историю

Зора Нил Херстон

**Их глаза видели Бога.
Роман о любви и надежде**

«ЭКСМО»

1937

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Сое)-44

Херстон З.

Их глаза видели Бога. Роман о любви и надежде / З. Херстон — «Эксмо», 1937 — (Best Book Awards. 100 книг, которые вошли в историю)

ISBN 978-5-04-201585-4

Одна из самых важных книг XX века, ставшая классикой американской литературы. История любви, рассказанная чарующим голосом женщины, которая отказалась жить в печали, горечи, страхе или глупых романтических мечтах. Путь через три брака и жизнь в бедности и испытаниях. Настоящий литературный шедевр, который актуален и по сей день, — один из самых читаемых и высоко оцененных романов. По книге снят одноименный фильм с Холли Берри в главной роли. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-201585-4

© Херстон З., 1937

© Эксмо, 1937

Содержание

Вступление	6
Предисловие	8
Предисловие Эдвидж Дантика[6]	8
Предисловие Мэри Хелен Вашингтон	14
Глава 1	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Зора Нил Херстон
Их глаза видели Бога.
Роман о любви и надежде

Посвящается Генри Аллену Мо

THEIR EYES WERE WATCHING GOD

By Zora Neale Hurston

Copyright © 1937 by Zora Neale Hurston. Published
by arrangement with Amistad, an imprint
of HarperCollins Publishers.



© Новикова Т.О., перевод на русский язык, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Вступление



В блестящей автобиографии «Следы на дороге» (1942) Зора Нил Херстон утверждала, что родилась в Итонвилле, штат Флорида, в 1901 году. На самом деле она появилась на свет 7 января 1891 года в Нотасулге, штат Алабама. Она была пятым ребенком Джона Херстона (фермер, плотник, баптистский проповедник) и учительницы Люси Энн Поттс. Перу Зоры Нил Херстон принадлежат книги «Их глаза видели Бога», «Тыквы Ионы», «Мулы и люди», «Моисей, человек горы».

За 69 лет своей жизни Херстон добилась больших успехов в литературе, антропологии, ораторском искусстве и театральном продюсировании. Лучшие ее книги появились в тот период, когда художественные и политические высказывания – будь то всего несколько предложений или целая книга – странным образом объединялись. Многие литературные произведения создавались по чисто политическим соображениям. Художественные книги пестрели политическими высказываниями. Личные политические взгляды Херстон, связанные с расовыми проблемами или вопросами национальной политики, не вызывали одобрения чернокожих современников-мужчин. В результате роман «Их глаза видели Бога» был издан лишь один раз и не переиздавался больше 40 лет.

Генри Луис Гейтс-младший¹ стал одним из многих, кто задался вопросом: «Как случилось, что лауреат двух премий Гугенхайма², автор четырех романов, десятка рассказов, двух мюзиклов, двух книг по черной мифологии, десятков очерков и потрясающей автобиографии на три десятилетия выпал из поля зрения читателей?»

Этот вопрос остается без ответа. Нам известно лишь, что каждая книга Херстон после первого издания потом долго не переиздавалась. Вернулись они к читателям лишь в 1970-е годы совместными усилиями Элис Уокер³, Роберта Хеманвея⁴, Тони Кейд Бамбары⁵ и других писателей и ученых. Благодаря им Зора Нил Херстон заняла достойное место в пантеоне американских писателей.

В 1973 году Элис Уокер, которая была страшно огорчена тем, что книги Херстон позабыты, нашла ее могилу и установила надгробие. «Я много лет любила и изучала ее книги, – позже говорила она. – Мне невыносимо было думать, что она похоронена в неизвестной могиле». На надгробии написаны слова Уокер:

ЗОРА НИЛ ХЕРСТОН
ГЕНИЙ ЮГА
РОМАНИСТ, ФОЛЬКЛОРИСТ, АНТРОПОЛОГ
(1891–1960)

Фонд Зоры Нил Херстон благодарит тех, кто долгие годы упорно работал, чтобы познакомить с ее трудами новые поколения читателей. Мы бесконечно признательны Роберту Хеманвею, Элис Уокер и сотрудникам Ассоциации современного языка, которые способствовали новому открытию Зоры. Мы выражаем глубокую благодарность за упорный труд и всяческую поддержку нашему издателю, Кэти Хеманвей, редактору Джулии Серебринской и литературному агенту Виктории Сандерс. Без их помощи книга никогда не увидела бы свет.

¹ Генри Луис Гейтс-младший – американский культурный и литературный критик, историк, писатель. Профессор Гарвардского университета, известный исследователь афроамериканской культуры и истории.

² Стипендия Гугенхайма – грант Мемориального фонда Джона Саймона Гугенхайма HYPERLINK, который с 1925 года присуждается тем, «кто продемонстрировал исключительный творческий потенциал или исключительные творческие способности в искусстве».

³ Элис Уокер – афроамериканская писательница, общественный деятель, феминистка.

⁴ Роберт Эмери Хеманвей – биограф Зоры Нил Херстон, 16-ый канцлер университета Канзаса.

⁵ Тони Кейд Бамбара – афроамериканская писательница, режиссер-документалист, общественный деятель.

Предисловие



Предисловие Эдвидж Дантика⁶

I

«Далекie корабли, на которые мечтает взойти каждый мужчина». Так начинается блестящий роман Зоры Нил Херстон о женском пути, о поиске себя и настоящей любви. Поначалу может показаться странным, что роман, главной героиней которого является решительная и стойкая Джени Кроуфорд, начинается со слов о «жизни мужчин». Однако это – одно из многих изощренных проявлений огромного таланта Зоры Нил Херстон. Она могла всего несколькими предложениями создать сложнейший мир с его кодами и дисциплинами, а затем раскрыть в этом мире свое представление о том, как ее народ – созданные ею мужчины и женщины, ее

⁶ Эдвидж Дантика – американская писательница гаитянского происхождения.

герои – действует, торжествует и выживает. Отсюда и метафорический далекий корабль, который появляется перед героиней – Джени Кроуфорд. Неожиданно мы понимаем, что она сама совершила свое путешествие, что ее мечты «были высмеяны до смерти самим Временем», но при этом она никогда не ощущала чувства поражения. И поскольку женщины «помнят все, чего не хотят забывать», Джени Кроуфорд вспоминает все важнейшие моменты своей жизни. Начиная с того, когда впервые поняла, что она – «цветная» девочка, выискивая свое лицо на групповой фотографии. И до дня, когда она возвращается в Итонвилл из Эверглейдса. Возвращается не раздавленной и обманутой, как все ожидали, а стойкой женщиной, пусть даже с разбитым сердцем. Она трудилась на бобовых полях, пережила ураган и потеряла любимого мужчину.

Джени Кроуфорд может снова пройти свой путь, спуститься с собственного корабля, прийти домой и вспоминать, потому что смерть уже близка. И все же эта женщина прожила полную, богатую жизнь. И несмотря на голоса осуждения, встретившие ее в родном городе, несмотря на «массовую жестокость», вызванную ее расточительностью, Джени завоевала право быть героиней собственной истории, собственного поиска. Она стала «участником» своих воспоминаний.

Роман написан в форме вопросов и ответов: по просьбе своей подруги Джени рассказывает, где она была, что видела. Джени доверяет Фиби свою историю и просит рассказать об этом другим, только если подруга сама захочет. («Ты можешь поведать им, что я сказала тебе, если захочешь. Это будет все равно что расскажу я сама».) Джени рассказывает свою историю не только Фиби, но и себе. Ее ответы – это эхо. Так растерзанная нимфа Эхо смогла сохранить только свой голос. Херстон стала эхом Джени. Она разбила повествовательную нить на интервалы, потому что в жизни и в реальном времени Джени могла просто устать от рассказа. Как люди, которые в начале романа сидят на крылечках и видят возвращение Джени, сама Джени, Фиби и Зора Нил Херстон формируют собственную повествовательную цепь. И через сплетение их голосов мы совершаем совершенно интимное и в то же время общественное путешествие – путь книги «Их глаза видели Бога».

II

Я всегда страшно гордилась, напоминая всем, кто готов был слушать, что шедевр Зоры Нил Херстон «Их глаза видели Бога» был написан, по словам писательницы, за семь недель на моем родном острове Гаити. Однажды я опозорилась перед группой молодых писательниц, которые только что создали книжный клуб и любезно пригласили меня на первое заседание. Новоизбранный президент клуба объявил, что первой они будут читать книгу Херстон. Я тут же вмешалась и спросила:

– А вы знали, что Зора написала эту книгу за семь недель на Гаити?

Меня быстро поставили на место.

– И что? – спросила одна из женщин.

– И что? – смущенно переспросила я. – А вы смогли бы написать такую книгу за семь недель?

Конечно, слова Херстон о сроках написания романа не раз подвергались сомнению. Но меня поражает то, что она смогла найти время для работы над книгой на Гаити, куда приехала с целью антропологических изысканий. Меня, как писателя, поражает, что она часто использовала места и обстоятельства личной жизни для создания собственного пространства, своего мира. Даже угроза бедности ее не страшила – она умела находить утешение (или отчаяние), чтобы писать.

Многие мои современники, в том числе и я, часто жалуются (порой даже имея контракты на книги), что им не хватает времени, денег и места. Зора же просто писала. Она знала, как

должна была знать Джени Кроуфорд, что «нет более сильного мучения, как нести в себе нерассказанную историю». И неважно, сколько я буду читать эту книгу. Каждый раз, когда Джени начинает рассказывать свою нерассказанную историю, я преисполняюсь двойного восторга – и от самой истории, и от того, как она рождена. Когда я берусь за свою любимую книгу Херстон, я делаю это отчасти из гордости за родной остров, но отчасти и по мудрому совету Элис Уокер, который она дала в предисловии к литературной биографии Херстон, написанной Робертом Э. Хемменвеем: «Мы Народ. (К этой категории я отношу все народы африканской диаспоры.) А Народ не отказывается от своих гениев».

К счастью, за свою жизнь мне довелось встретить лишь немногих активных читателей моего поколения (рожденных после 1960 года), писателей и неписателей, которые отмахивались бы от творчества Зоры. Многие из нас очень живо помнят свои первые встречи с ее книгами, особенно с «Их глаза видели Бога». Благодаря усилиям миссис Уокер и других, кто отважно вернул творчество Зоры себе и всем нам, мы прочли ее книги в старших классах или в колледже, где о ней увлеченно рассказывали мужчины и женщины (чаще всего они прочли ее книги, когда были намного старше, чем мы). Мы до сих пор храним восторг этого открытия – такой же, как от первых дней любовного романа или воссоединения с другом, которого давно считали умершим.

Впервые я прочла «Их глаза видели Бога» на факультативном курсе афроамериканской истории в старшей школе Клары Бертон в Бруклине. Курс вел молодой учитель – он посвящал факультативу время собственного обеда. В те времена было трудно узнать о Зоре и ее книгах, поэтому мы тщательно разбирали сюжет и язык писательницы с помощью учителя. Большинство из нас лишь недавно оказались в Соединенных Штатах. Мы читали диалоги Джени, Фиби и Кекса вслух, с сильным креольским акцентом. И могли лишь догадываться о том, какую блестящую книгу изучаем.

Порой мне казалось, что плохое знание английского лишает меня драгоценной информации, и я задавала вопросы, которые выходили за рамки сюжета романа. Учителю это очень нравилось. Он радовался, что мое воображение парит свободно, как и должно быть с настоящими читателями.

– А где была семья Кекса? – спрашивала я. – А чем занималась подруга Джени, Фиби, когда Джени уехала?

Позже – во время учебы в колледже Барнарда – я стала задавать более сложные и осознанные вопросы. Кстати, в 20-е годы здесь училась сама Зора. Теперь же ее книги хранились в застекленных шкафах библиотеки Барнарда рядом с книгами других знаменитых выпускников, включая поэтессу, драматурга и романистку Нтозаке Шанге. Каждый раз, проходя мимо книжного шкафа, я чувствовала, что моя мечта стать писательницей становится все более достижимой – ведь Зора и Нтозаке тоже были чернокожими женщинами, как и я.

– Зора жила в моей стране, – с радостью говорила я однокурсникам, – а теперь я живу в ее стране.

Мне нравилось думать, что Зора приехала на Гаити, потому что видела сходство между гаитянской и южной афроамериканской культурами. Зора выросла в городе чернокожих, а я – в черной республике, где жил Фредерик Дуглас⁷, где училась и танцевала Кэтрин Данэм⁸. В книге «Расскажи моей лошади» Зора нашла местный аналог историям дядюшки Римуса про хитрого братца Кролика – столь же хитрого Ти Малиса из народной сказки. Гаитянцы верят, что наши мертвые когда-нибудь вернуться в Африку, и в этой вере Зора почувствовала

⁷ Фредерик Дуглас (1818–1895) – американский писатель, просветитель. Бежавший из рабства, он был лидером движения за отмену рабства в США, одним из известнейших борцов за права чернокожего населения Америки.

⁸ Кэтрин Данэм (1909–2006) – американская актриса, автор и исполнитель песен, танцовщица, хореограф, антрополог.

эхо убежденности тех, кого насильно грузили на корабли работарговцев, не оставляя никакой надежды на возвращение.

В этой книге я находила много знакомого: устный разговорный язык повествования и диалогов, посиделки на открытых крылечках на закате, интимный тон повествования, увлекательнейшие рассказы о реальных людях и литературных персонажах. Описание пышных похорон любимого мула Джени напомнило мне фрагмент из книги «Расскажи моей лошади», где президент Гаити, Антуан Симон, приказывает похоронить своего любимого козла Симало по католическому обряду с отпеванием в главном соборе – над этой историей гаитяне потешались много лет.

В Барнарде мы задавали немало структурных вопросов о книге «Их глаза видели Бога». Это любовный или приключенческий роман? Мы решили, что в этой книге, как и во многих других сложных романах, сочетаются оба элемента. Да и разве приключения не бывают часто связаны с любовью? Ведь история знает немало любовных приключенческих романов.

Мы поднимали проблемы, которые волновали нас, молодых феминисток. Была ли Джени Кроуфорд хорошей женской ролевой моделью или ее жизнь целиком определялась мужчинами? Многие из нас считали, что Джени не должна быть образцом для подражания. Она должна была быть сложным человеком, сумевшим полностью реализоваться. Она была воплощением собственной воли, несмотря на все старания бабушки и двух первых мужей подчинить ее собственной воле. Она ушла от первого мужа, когда жизнь с ним стала невыносимой, и уехала с Кексом после смерти второго мужа, хотя и подверглась общественному осуждению.

Почему Джени позволила Кексу бить ее? Некоторые из нас считали, что Херстон попыталась показать людей, которые не были ни святыми, ни грешниками. В ее героях очень много нюансов, она описывала и сильные стороны людей, и их слабости. Если бы Кекс был слишком жесток, Джени не полюбила бы его. Если бы он был слишком благочестив, то во время работы в полях она не увидела бы в нем равного, а стала бы поклоняться ему, а «все боги, которым поклоняются, становятся жестокими. Все боги насылают страдания без причины... половине богов приносят в жертву вино и цветы. А настоящие боги требуют крови». В конце концов, Джени получает от Кекса сразу все – вино, цветы и кровь – и становится дорогой родственницей, любовную историю которой нам никогда не понять в полной мере, но ее истоки нам совершенно понятны. Кекс отдал жизнь за Джени, и это служит искуплением множества его грехов.

Несмотря на поступки Джени в отношении Кекса – а может быть, из-за них – она свободнее, чем большинство ее современниц (и уж точно чем большинство женщин из бедных семей). Она любит Кекса, но предпочитает жить, а не умереть вместе с ним. Она не следует за ним в могилу, а хоронит его и возвращается в общину, которая не спешит принять ее с распростертыми объятиями, пока она не объяснит, где была и что пережила.

III

На протяжении десятилетий и, надеюсь, веков «Их глаза видели Бога» будут главным литературным наследием Зоры Нил Херстон. Возможно, из-за того, что книга была написана за такой короткий и эмоционально сложный срок, этот роман обладает потрясающим ощущением злободневности и актуальности – сложный сюжет, стремительный темп, увлекательное повествование... Читатели очень остро чувствуют гнев Джени Кроуфорд, когда она пытается вырваться из-под строгой опеки бабушки. Та имеет собственное, весьма ограниченное представление о жизни чернокожей женщины. Джени сама возвращает себе свободу. Как все самостоятельно мыслящие люди, Джени Кроуфорд платит высокую цену за эту свободу. Ее – как и саму Херстон – исключают из сообщества. Зору обвиняли в стереотипизации тех, кого она любила, хотя она всего лишь слушала их внимательнее, чем другие и стремилась вернуть им их голоса и жизнь.

Роман – это не только глубокая картина развития мышления Джени. Мы проникаем в разум тех, кто готов был осудить ее. А вот сама Джени никогда не обижалась на соседей, которые изо всех сил искали в ней недостатки. Она либо полностью их игнорировала, либо жалела за то, что они так и не осмелились вырваться из своего безопасного городка и не прожили такую же полную жизнь, как она сама.

Пережив все, что выпало на ее долю, Джени лучше понимает собственные поступки – и человеческое поведение в целом.

«Это известный факт, Фиби, – говорит она подруге. – Чтобы что-то узнать, нужно куда-то идти... Каждый должен сделать для себя две вещи... Людям нужно прийти к Богу. И им нужно научиться жить для себя».

В этом романе, кроме классического конфликта между желаниями личности и общественной цензурой, немало современных мотивов и событий, которые легко можно представить себе в газетах XXI века: брак без любви, вербальное и физическое насилие, убийство из милосердия или убийство в целях самозащиты (в зависимости от истолкования), запретная любовь, публичный и страстный роман между молодым мужчиной и более зрелой женщиной иного статуса. Многие второстепенные персонажи романа отражают мультикультурность американского общества – это и афроамериканцы, и индейцы, и уроженцы Карибского бассейна, живущие и работающие в Эверглейдсе. (И сегодня труд мигрантов и ураганы остаются неотъемлемой частью жизни Флориды.) Влияние книг Зоры, и в особенности «Их глаза видели Бога», будет еще долго ощущаться в работах многих поколений писателей. Джени Кроуфорд – литературная сестра Селии из романа Элис Уокер «Цвет пурпурный». Ее глаза не просто видели Бога – все ее слова и письма были обращены непосредственно к Создателю.

Бабушка Джени, Нэнни, подтолкнула внучку к браку с Логаном Килликсом, потому что сама была рождена в рабстве и не имела возможности распоряжаться собственной судьбой. Нэнни хотелось мелких радостей жизни – спокойно сидеть на крыльце дома, ничего не делая. Ей хотелось, чтобы и внучка имела все это, а еще деньги и положение. Эмоциональная цена роли не играла. Нэнни не понимала, что у Джени иное представление о свободе. И когда Дженни отвергла ее мечту, Нэнни испытала боль.

Нэнни говорит юной Джени: «Как бы я хотела произнести проповедь о цветных женщинах, сидящих высоко, но у меня нет кафедры».

В романе Тони Моррисон «Возлюбленная» бабушка Возлюбленной Бэби Саггс произносит проповедь, какую не удалось произнести Нэнни. Бэби Саггс «стала проповедником без церкви, той, кто приходит на кафедры». Но чаще всего она выступает с кафедры, которую создала для себя сама, на природе: «Расположившись на большом, плоском камне, Бэби Саггс склонила голову и стала молиться молча... Наконец, она созвала женщин. «Плачьте, – велела она им. – По живым и мертвым. Просто плачьте». И женщины, не прикрывая глаз, стали плакать».

Насколько иной могла бы оказаться жизнь Джени, если бы она услышала проповедь бабушки, если бы ее Нэнни, как Бэби Саггс, сказала: «Больше, чем хранящую жизнь утробу и дарующие жизнь части тела... любите свое сердце. Ибо это есть ваша драгоценность».

IV

В кольцевом повествовании «Их глаза видели Бога», в самом конце книги, открывается целая новая жизнь – жизнь все еще довольно молодой Джени Кроуфорд. Она рассказала свою историю и удовлетворила «древнейшую человеческую потребность – потребность в откровении». И теперь она должна жить дальше.

Мы знаем, что Джени никогда не забудет Кекса. Она любила его всем сердцем. Жизнь и странствия вместе с ним открыли ей мир и собственное сердце. Но мы понимаем, что Джени и

дальше будет жить по собственным правилам, не идя на компромиссы. Она потеряла любимого мужчину, но открыла совершенно новые грани собственной натуры.

«Итак, Фиби, все было так, как я тебе рассказала, – говорит она подруге, готовясь закончить свою историю. – Я снова вернулась домой, и я рада быть здесь. Я ушла за горизонт и вернулась, и теперь я могу сидеть здесь, в моем доме, и жить сравнениями».

Жизнь Джени может показаться более сложной и бурной, чем у большинства людей. Но ее прошлое и ее будущее лучше всего описать словами, какими она говорит о своей любви к Кексу в конце книги. Эта любовь не «точило», которое одинаково везде и оказывает одинаковое действие на все, чего коснется. Это море, море с далекими кораблями, на которые хочет взойти каждый мужчина. Это мощное, живое море, которое «принимает форму берега, на который накатывают его волны» и которое «на каждом берегу разное».

Предисловие Мэри Хелен Вашингтон

В 1987 году исполнилось 50 лет с момента первой публикации книги «Их глаза видели Бога». Издательство университета Иллинойса выпустило юбилейное издание, поместив в верхнем правом углу обложки баннер:

«1987 / 50-летие – ВСЕ ЕЩЕ БЕСТСЕЛЛЕР!»

На обложке издатели разместили цитату из рецензии Дорис Грумбах в журнале *Saturday Review*: «Лучший черный роман своего времени!», «Один из лучших романов всех времен». Зора Нил Херстон была бы приятно поражена: восприятие ее второго романа за эти годы претерпело кардинальные изменения. Сорок лет с момента первой публикации роман не переиздавали, он был практически неизвестен широкой публике. Литературный истеблишмент, который всегда был миром преимущественно мужским, отвергал ее книгу – и косвенным, и самым прямым образом. В 1937 году один белый рецензент так отозвался о романе Зоры в *Saturday Review*: «Яркая и пикантная любовная история, хотя и слегка неуклюжая». Ему было трудно поверить, что в Америке может существовать такой Итонвилл, «населенный и управляемый исключительно афроамериканцами».

Чернокожие критики-мужчины были еще более резкими в оценках романа. С самого начала карьеры Херстон жестко критиковали за то, что она не пишет романов в протестном духе. В 1936 году Стерлинг Браун счел ее книгу «Мулы и люди» недостаточно резкой, плохо отражающей тяжелую сторону жизни афроамериканцев на Юге. Ему казалось, что в изображении Херстон их жизнь на Юге выглядит легкой и беззаботной. Признанный авторитет в своей среде времен Гарлемского Ренессанса, Аллен Локк, в ежегодном обзоре литературы для журнала *Opportunity* писал, что роман Херстон «Их глаза...» никак не соответствует более серьезным тенденциям времени. Он задавался вопросом, когда Херстон перестанет создавать «своих псевдо-примитивных персонажей, с которыми читатели так любят смеяться, плакать и завидовать», и начнет писать «мотивирующие, социально-документированные книги»? Самой жесткой критике книги Херстон подверг самый известный и влиятельный афроамериканский писатель того времени Ричард Райт. Он сотрудничал с левацким журналом *New Masses*. «Их глаза...» он назвал романом, который для литературы сделал то же самое, что представления менестрелей для театра: книга написана, чтобы позабавить белых. Райт писал, что у романа «нет ни достойной темы, ни содержания, ни мысли». Это всего лишь забавное изображение афроамериканской жизни во вкусе белых читателей. К концу 40-х годов (а в это десятилетие в афроамериканской литературе господствовал Райт и стиль социального реализма) тихий голос женщины, стремящейся к самореализации, не мог быть услышан – да никто и не хотел его слышать.

Как большинство моих друзей и коллег, которые в конце 60-х преподавали на факультетах афроамериканскую историю, я до сих пор живо помню, как впервые прочла «Их глаза...». В 1968 году я зашла в один из множества книжных магазинов, специализирующихся на этой теме, – магазин Вонна в Детройте. И там мне попала на глаза маленькая книжка в бумажной обложке со стилизованными портретами Джени Кроуфорд и Джоди Старкса: она качала воду из колонки, длинные волосы падали на спину, голова слегка повернута, на лице выражение тревожного ожидания. Он стоял поодаль – в шелковой рубашке, с красными подтяжками, пальто переброшено через руку, голова наклонена, а взгляд говорил Джени о далеких горизонтах. Стоила книжка всего 75 центов.

Мне сразу же понравилась поэтичность романа и связь героини с традициями афроамериканцев. Наконец-то я увидела женщину в поисках собственной идентичности. В отличие от многих похожих героинь афроамериканской литературы, путь Джени не уводил ее от сво-

его народа, а, наоборот, погружал в народные традиции. Она оказалась в Эверглейдсе с его жирной, черной почвой, зарослями тростника и общественной жизнью, основанной на черных традициях. Но большинству афроамериканских читательниц, впервые взявших в руки «Их глаза...», больше всего нравилась Джени Кроуфорд – сильная, смелая, самостоятельная женщина, совершенно не похожая на других литературных героинь. Андреа Рушинг, которая в то время работала на факультете афро-американских исследований в Гарварде, вспоминала, как они читали эту книгу в группе вместе с Нелли Маккей, Барбарой Смит и Гейл Пембертон. «Мне понравился язык этой книги, – говорила Рушинг, – но больше всего мне понравилось то, что эта книга о женщине, которая не была жалкой, трагической мулаткой, покорно исполняющей все, чего от нее ожидают окружающие. Она не захотела жить с нелюбимым мужчиной, даже не думая о разводе. Она ушла – и не сломалась, а стала только сильнее».

Женщины всей страны неожиданно увидели себя в этом романе, и их реакция часто была откровенной и очень личной. Джени и Кекс оказались настолько живыми, что читателям они показались добрыми знакомыми. Шерли Энн Уильямс вспоминает конференцию в Лос-Анджелесе в 1969 году. Тогда Тони Кейд Бамбара спросила у присутствовавших в аудитории женщин: «Сестры, вы готовы к Кексу?» Уильямс понимала, что у Кекса есть определенные недостатки, поэтому она ответила: «А современные Кексы готовы к нам?» Впервые Уильямс использовала «Их глаза...» в учебном курсе во Фресно. В этом сельскохозяйственном районе всегда преобладали мигранты, и ее студенты, как и герои романа, зарабатывали себе на жизнь трудом на земле. Уильямс вспоминает: «Они впервые увидели себя в литературных героях и поняли, что в их жизни тоже есть радость». Рушинг увидела в Джени героиню, а Уильямс обратила внимание на радостное изображение афроамериканской культуры – именно это и заставило критиков позднее признать уникальный вклад романа в черную литературу. Зора Нил Херстон закрепила традиции афроамериканской культуры и использовала их, чтобы темнокожие женщины ощутили свою силу.

К 1971 году роман Херстон стал по-настоящему культовым. К нему обращались везде, где возникал интерес к афро-американским исследованиям. Преподавательница женской литературы Элис Уокер прочла роман в Уэллсли в 1971/72 учебном году. Тогда Херстон всего лишь упоминалась в программе – не более того. Узнав из очерка белого фольклориста, что Зора похоронена в безымянной могиле, Уокер решила, что такая судьба оскорбительна, и стала разыскивать могилу, чтобы сделать надгробие. В очерке «В поисках Зоры Нил Херстон», написанном для журнала Ms., Уокер рассказывает, как поехала во Флориду, пришла на кладбище и среди высоченных сорняков разыскала могилу писательницы. Она установила на ней надгробие с надписью: «Зора Нил Херстон / Гений Юга / Писательница / Фольклорист / Антрополог / 1891–1960». Этот поступок и очерк открыли новую эпоху в изучении романа «Их глаза видели Бога».

К 1975 году роман еще не напечатали, но спрос был так велик, что на ежегодной конференции Ассоциации современного языка была составлена петиция с требованием напечатать книгу Херстон. В том же году в Йельском университете проводилась конференция по литературе меньшинств, которую проводил Майкл Кук. Несколько экземпляров романа были распространены среди участников, многие из которых прочли его впервые.

В марте 1977 года, когда комиссия Ассоциации современного языка по меньшинствам и изучению языков и литературы опубликовала список отсутствующих в продаже книг, потребность в которых очень велика, координатор программы, Декстер Фишер, написал: «Мы единодушно начали список с романа «Их глаза видели Бога».

Период с 1977 по 1979 год можно назвать ренессансом Зоры Нил Херстон. В 1977 году вышла книга Роберта Хемменвея «Зора Нил Херстон: Литературная биография» – и сразу же стала бестселлером, что в декабре признала конференция Ассоциации современного языка. Издательство университета Иллинойса выпустило роман в марте 1978 года – и допечатывало

тиражи в течение последующих десяти лет. Сборник «Я люблю себя, когда смеюсь... а потом вновь, когда я зла и впечатляюща: Читатель Зоры Нил Херстон» под редакцией Элис Уокер феминистское издательство выпустило в 1979 году. Именно эти три литературных эпизода положили начало серьезному изучению творчества Херстон.

Но главное событие, которое ознаменовало третью волну внимания критики к «Их глазам...», произошло в декабре 1979 года, на конференции в Сан-Франциско. Один из семинаров назывался «Традиции и их трансформация в афроамериканской литературе», и вел его Роберт Степто из Йеля совместно с Джоном Каллаханом из колледжа Льюиса и Кларка и мной (тогда я работала в университете Детройта). Хотя семинар был назначен на воскресное утро и завершал конференцию, зал был полон, и слушали нас очень внимательно. В конце семинара Степто затронул проблему самого противоречивого и осуждаемого аспекта романа: смогла ли Джени в романе обрести собственный голос. Степто волновала сцена в суде, где Джени должна была не только сохранить жизнь и свободу, но и рассказать присяжным и всем нам о своей жизни с Кексом – рассказать так, чтобы мы поняли. Степто удивляло, что Джени молчит в этой сцене, а Херстон описывает ее от третьего лица. Мы не слышим рассказа Джени – по крайней мере, рассказа от первого лица. Степто был убежден (и убедил многих), что общий сюжет, в котором Джени рассказывает о себе Фиби, создает иллюзию обретения героиней собственного голоса, а Херстон, рассказывая историю Джени от третьего лица, лишает ее этого голоса. Присутствующие не сразу нашли, что сказать, и тут поднялась Элис Уокер. Она заявила, что женщины не должны говорить, когда мужчинам это кажется необходимым. Женщины сами решают, когда и где говорить. Хотя многие уже обрели собственный голос, они знают, когда лучше промолчать. Самым удивительным в живой и порой ожесточенной дискуссии после выступления Степто и Уокер было всеобщее знакомство с романом, который всего десять лет назад нигде не продавался и был мало кому известен. Теперь же он обратил на себя внимание критики и стал считаться самым известным и почитаемым текстом афроамериканского литературного канона.

Тот семинар был важен и по другой причине. Уокер отстаивала право Джени (а точнее, решение Херстон) молчать в важных моментах своей истории. И ее выступление стало одним из первых феминистских прочтений «Их глаз». Впоследствии эти идеи разделили многие литературоведы. В недавней статье о романе и проблеме голоса Майкл Оквард утверждает, что голос Джени в конце романа – это общий голос. Когда она предлагает Фиби рассказать другим ее историю («Ты можешь сказать им, что я сказала, если захочешь. Это будет то же самое, если это расскажу я»), то выбирает коллективный, а не индивидуальный голос. И это показывает ее близость к коллективному духу афроамериканской устной традиции. Тед Дэвис согласен с такой идеей. Он добавляет, что, хотя Джени является рассказчицей, носителем истории становится Фиби. Дэвис считает, что необычная жизнь Джени не позволила ей осуществить более серьезные перемены, чем влияние на жизнь Фиби. Но Фиби, оставаясь в рамках традиционной женской роли, сможет гораздо лучше донести основную идею до общины.

Хотя мне, как и Степто, не очень нравится молчание Джени в сцене суда, я думаю, что молчание отражает неприятие Херстон образца героя-мужчины, который утверждает себя мощным голосом. Она выбрала героиню-женщину и столкнулась с интересной дилеммой: женское существование в мире, где доминируют мужчины, изначально критиковалось, следовательно, не могло иметь героической представительницы. Когда в конце романа Джени говорит, что «разговоры мало что значат», если они оторваны от опыта, она доказывает ограничения голоса и критикует культуру, которая использовала устную традицию во всем, кроме внутреннего развития.

Последний разговор с Фиби порождает сомнения в значимости устной речи и доказывает правоту Элис Уокер, которая утверждала, что женское молчание может быть осознанным и полезным:

«Конечно, разговоры мало что значат, когда ты не можешь сделать ничего другого... Фиби, нужно пойти туда, чтобы понять это... Ни твой папа, ни твоя мама и никто другой не смогут рассказать и показать тебе. Две вещи каждый должен сделать сам. Каждый должен пойти к Богу, и каждый должен сам разобраться в жизни».

Речь мужчин в романе практически лишена какого-то превосходства. Мужчины почти не показаны в процессе развития. Их речь – или игра, или метод утверждения силы. Жизнь Джени – это опыт отношений. Хотя Джоди, Кекс и другие мужчины – персонажи статичные, Джени и Фиби задумываются о собственной внутренней жизни, потому что это место развития.

Если изучение романа чему-то нас и учит, то это тому, что книга эта глубокая и сложная и каждое поколение читателей будет открывать в ней что-то новое. Если мы защищали роман и не хотели подвергать его литературному анализу в первые годы после его возрождения, то только потому, что это была наша любимая книга. Мы открывали в ней собственный опыт, собственную речь, собственную историю. В 1989 году я задалась новыми вопросами. Я задумалась над двойственным отношением Херстон к своей героине, над некритическим изображением насилия по отношению к женщинам, над тем, что мужчины подавляют голос Джени даже там, где говорится о ее внутреннем росте. Херстон не предлагает нам однозначно героическую женщину. Она подталкивает Джени на путь самостоятельности, самореализации и независимости, но в то же время делает ее романтической героиней, объектом желания Кекса. Порой она настолько покоряется величественному Кексу, что даже ее собственная внутренняя жизнь больше говорит о нем, чем о ней. Роман показывает нам женщину-писателя, которая решает проблему изображения внутреннего развития героини – а в 1937 году было очень нелегко создать женский образ такой силы и отваги.

Поскольку с 1978 года роман широко доступен, каждый год у него появляются тысячи новых читателей. Его изучают в американских колледжах. Его доступность и популярность привела к активному его изучению в течение последних двух лет. Но я хочу вспомнить историю, которая привела к возрождению романа – особенно коллективный дух 60–70-х годов, когда началось активное политическое движение за возрождение интереса к утерянным книгам афроамериканских писательниц. В случае «Их глаз...» возникает красивая симметрия между текстом и контекстом: «Их глаза...» – это утверждение и торжество черной культуры, и именно это пробудило новый интерес к роману. Джени рассказывает свою историю подруге, Фиби, и это напоминает мне всех читательниц, которые открывали в ее истории собственную и передавали ее друг другу. Роман показывает женщину, которая смело меняет и определяет по-новому мужской канон, и его читательницы, которые, как и Джени, обрели свой голос в литературном мире, продолжают менять этот канон, отстаивая свое достойное место в нем.

Глава 1



Далекие корабли, на которые мечтает взойти каждый мужчина. К некоторым они приходят с приливом. Для других они постоянно маячат на горизонте, никогда не скрываясь из виду и никогда не приставая к берегу, пока Следящий не отведет свой уставший взор, а Время высмеет его мечты, послав ему смерть. Такова жизнь мужчин.

Женщины забывают все то, чего не хотят помнить, и помнят все, чего не хотят забывать. Мечта – это истина. И они действуют и поступают в соответствии с ней.

В начале этой книги была женщина, и она вернулась, похоронив мертвых. Не тех, кто болел и умирал в окружении друзей. Она вернулась, похоронив мокрых и раздутых; умерших неожиданно, с широко раскрытыми в осуждении глазами.

Все смотрели, как она вернулась, потому что было это на закате. Солнце село, но оставило свой след на небе. В это время все сидят на крылечках у дороги. В это время все слушают и обсуждают. Весь день люди были безъязыкими, глухими и слепыми вещами. Их место занимали мулы и другие животные. Но когда солнце и начальники скрылись, «тела» снова стали сильными и человеческими. Люди стали повелителями звуков и малых вещей. Целые народы говорили их ртами. Они сидели и судили.

Они заметили женщину, которая заставила их вспомнить зависть, хранимую с давних времен. Они прожевали свой мозг и с облегчением проглотили. Они делали из вопросов мучительные обвинения и орудия убийства из смеха. Это была массовая жестокость. И настроение их оживилось. Их слова шли без хозяев; они шли вместе, как гармония песни.

- Чего это она вернулась в рабочей одежде? У нее что, платья не нашлось?
- Где то синее атласное платье, в котором она уходила?
- Где все те деньги, которые заработал ее муж и после смерти оставил ей?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.